

ДИНАМИКА СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЕЗОПАСНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Кузнецова Л.Б., к.психол.н., доцент кафедры психологии,

Морель Морель Д.А., к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. В статье выявляются и сопоставляются особенности стереотипных, «наивных» представлений о безопасности людей родившихся и выросших в конце советского и начале постсоветского периодов в истории России.

Ключевые слова: безопасность, представление, стереотипный, ассоциация, ассоциативный эксперимент, советский, постсоветский.

Abstract. The article reveals and compares peculiarities of stereotype, naïve notions of safety proper to people born and grown at the end of soviet – beginning of post-soviet periods of the Russian history.

Key words: safety, notion, stereotype, association, associative experiment, soviet, post-soviet.

В современном нестабильном мире проблема безопасности, условий обеспечения различных видов безопасности (личной, государственной, экономической, информационной и пр.) приобретает всё большую актуальность. Данная проблема многоаспектна и находит отражение в самых различных отраслях науки и практики.

Анализируя сущность понятия «безопасность» прежде всего, следует обратиться к изучению толковых словарей. По данным О.В. Писаря осуществившего сравнительный анализ данного термина в толковых словарях русского, английского, французского и немецкого языков, понятие «безопасность» во всех языках связывается не столько «с отсутствием угрозы», сколько с состоянием, чувствами и переживаниями человека [1]. Таким образом, в разных культурах сформировались в целом очень схожие

представления о безопасности, с основным акцентом на чувствах и переживаниях человека, связанных с его положением в настоящем и перспективами на будущее.

Современные исследователи, определяя понятие «безопасность», выделяют следующие ключевые аспекты данного феномена: 1) отсутствие опасности, 2) состояние защищенности от различных потенциальных источников опасности, 3) отсутствие недопустимого риска, 4) устойчивое к воздействию внешних и внутренних факторов состояние сложной системы [2; 3; 4; 5].

Ряд учёных указывают на решающую роль собственной активности личности в обеспечении индивидуальной безопасности, что находит отражение в предлагаемых ими определениях понятия безопасность [3; 6; 7; 8; 9]. Так, Т.И. Колесникова безопасность определяет как «активный и доминирующий мобилизатор ресурсов психики в чрезвычайных ситуациях, возникающих в разных сферах жизнедеятельности» [3, с.19]. Т.М. Краснянская отмечает, что в подавляющем большинстве причиной нарушения функционирования системы самообеспечения безопасности является неспособность субъекта управлять доступными ему ресурсами [6].

По мнению О.Г. Овчинниковой, безопасность – это не только ощущение и переживания человеком определённого состояния защищённости, но и реальность. Реальность безопасности основана на вероятности возникновения рисков и способности человека эффективно справиться с ними. Как отмечает автор безопасность – это компромисс, на который каждый человек идёт интуитивно. Человек и любое живое существо постоянно идёт на компромиссы в области безопасности и благодаря этому эволюционирует в одном направлении, а не в другом [7, с. 12]. Таким образом, следуя логике автора можно предположить, что отношение человека к безопасности и динамика этого отношения являются важнейшими индикаторами вектора развития его самосознания, самоотношения. В частности развитие в направлении

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

достижения личностной зрелости, самоактуализации будет по всей видимости связано с повышением адекватности, объективности в оценке существующих рисков и вероятности их возникновения, а так же с осознанием своих возможностей и способностей эффективно справиться с ними и принятием на себя ответственности за свою личную безопасность.

К числу стержневых характеристик личности разные психологические школы относят потребности. Потребности рассматриваются как основной детерминирующий фактор активности личности. По мнению многих, как отечественных, так и зарубежных психологов, потребность в безопасности является одной из ключевых, базисных потребностей личности. Так, один из основателей гуманистической психологии А. Маслоу отводит потребностям, связанным с безопасностью (потребности в безопасности, стабильности, защите; свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе и др.) второе место в предложенной им пирамиде потребностей. Надстраиваясь над физиологическими потребностями, данная группа потребностей выступает необходимой предпосылкой актуализации потребностей более высоких иерархических уровней (в принадлежности, в признании т.д.) [10].

С точки зрения бодинамики (одного из современных направлений телесно-ориентированной психотерапии) ощущение безопасности существования – одна из базисных характеристик личности, которая формируется, начиная со 2-го триместра беременности и до 3 месяцев после рождения. Базовое ощущение безопасности существования нарушается у человека в том случае, если в утробе матери он пережил какую-либо травму (например болезнь матери, борьбу родителей за создание для него психологического пространства), какие-либо трудности при родах или в первые месяцы жизни [11].

Таким образом, несмотря на многообразие существующих в современной науке подходов, в них в разных контекстах акцентируется значимость

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

безопасности как основы нормального функционирования и развития личности. При этом отмечается, что отношение человека к безопасности имеет динамичный характер, изменяясь с возрастом.

Подобное положение вещей характерно и для общественного сознания. Так, «в России долгое время безопасность была приоритетом, монополией политического руководства. Поэтому важным событием стало принятие в 1992 году Закона РФ «О безопасности»... Процесс переоценки ценностей в российском обществе обусловил новое понимание проблемы безопасности... Пересмотр приоритетов и акцентов в интерпретации проблемы безопасности и перенос их с интересов государства, которые воспринимались в отрыве от нужд и потребностей человека, на интересы самого человека, поставил науку и практику перед необходимостью разработки совершенно нового аспекта этой проблемы – безопасности личности» [1, с.47]. Этап рыночных реформ в России ознаменовался изменением отношения общества к безопасности, резким ростом интереса к вопросам ее обеспечения [12].

Целью данной работы является выявление тех изменений, которые претерпели стереотипные представления о безопасности на уровне «наивной» картины мира за последнюю четверть века. Достижение данной цели предполагает выявление и сопоставление особенностей представлений о безопасности представителей поколений, родившихся и сформировавшихся как личности при советской власти, и россиян, чье детство пришлось на кризисный период после распада СССР. Логично предположить, что представления о безопасности у людей, росших в атмосфере стабильности (пусть во многом только декларируемой) и культурно-идеологической преемственности, и людей, ввергнутых в пучину перманентного кризиса и нестабильности (пусть и в возрасте, не позволяющем оценить ее глубину) и ставших невольными свидетелями ломки не просто социально-политической и экономической системы, но самих цивилизационно-мировоззренческих устоев общества, не могут не демонстрировать различий.

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

Для решения поставленных задач мы обратились к материалам масштабного эксперимента, проведенного сотрудниками Института русского языка Академии наук под руководством Н.Ю. Караулова в период с октября 1988 г. по май 1990 г., а также поставили собственный эксперимент (январь-июнь 2014 г.), повторяющий методику проведения первого. Испытуемые – студенты 17-25 лет – получали анкету с 100 слов-стимулов и должны были заполнить ее за 7-10 минут, указав напротив каждого стимула только одну, первую пришедшую на ум ассоциацию-реакцию [13, с. 750-752]. Слово-стимул «безопасность» было предъявлено 105 респондентам в эксперименте Н.Ю. Караулова (группа респондентов I) и 100 респондентам в авторском эксперименте (группа респондентов II). В первом случае 105 полученных реакций (с учетом отказов) дали 51 индивидуальную ассоциацию [14], во втором – 52.

Итак, с чем же наиболее устойчиво ассоциировалась безопасность у представителей советского поколения? Наиболее частотными стали ответы «движения» (41,0% от всех реакций), «движение» (3,8%), «гарантируется» (2,9%). Все прочие ассоциации (кроме отказов) имеют воспроизводимость ниже 2% от общего числа реакций.

Ответы респондентов группы II отличаются кардинально: «дом» (10%), «охрана» (7%), «спокойствие», «защищенность», «защита», «надёжность», «ОБЖ» (по 6%).

Объединение приведенных респондентами ассоциаций по семантическому признаку [15] также дает весьма показательные результаты.

Для респондентов группы I безопасность ассоциируется в первую очередь с движением на дорогах (на подобные ассоциации приходится 47,6% от общего числа реакций). Безопасность в их представлении обеспечивается (7,6%) или нет (1,9%), она может быть общественной (4,8%), личной (3,8%), жизни (4,8%), полной (1,9%), скрытой (1,0%). Безопасность воспринимается как необходимая ценность (3,8%), как состояние (2,9%). Она связывается с

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

мероприятиями по ее обеспечению (2,9%), людьми и организациями (2,9%), специализированными предметами (2,9%) и сооружениями (1,9%), предназначенными для ее поддержания, техникой безопасности (1,0%). Безопасность противопоставляется опасности (1,9%).

В ответах респондентов группы II связь безопасности со степенью ее обеспеченности (семантические группы ассоциаций «безопасность обеспечивается / не обеспечивается», «полная безопасность») полностью элиминируется. При этом возникают новые, но весьма устойчивые связи: безопасность начинает ассоциироваться с домом (10%), школьным предметом (9%), она начинает восприниматься как свойство (8%), оказывается, что она может быть информационной (3%). Безопасность продолжает устойчиво связываться с обеспечивающими ее мероприятиями (14%), людьми и организациями (14%), специализированными предметами (9%), а также восприниматься как состояние (12%). Кроме этого безопасность в представлениях респондентов группы II может быть личной (3%), общественной (1%), скрытой (1%), жизни (4%), дорожного движения (1%). Она может восприниматься как ценность (1%), сводиться к технике безопасности (2%) и сооружениям, предназначенными для ее поддержания (3%), противопоставляться опасности (1%).

Итак, проведенное исследование, включавшее анализ и сопоставление результатов ассоциативных экспериментов, однозначно демонстрирует различия в представлениях о безопасности у людей, выросших в советский и постсоветский периоды.

1. Принципиальные отличия в представлениях о безопасности четко проявляются уже на уровне регулярно воспроизводимых, стереотипных ассоциаций.

Столь высокая выявленная воспроизводимость ассоциативной связи безопасности с дорожным движением свидетельствует о ее стереотипности для языкового сознания респондентов советского периода. В языковом сознании

респондентов группы II данная ассоциативная связь практически полностью элиминируется (в ответах присутствуют только две единичные ассоциации: «дорога» и «ремень»).

Среди ассоциаций, регулярно воспроизводимых в ответах респондентов постсоветского периода, доминанта отсутствует, они образуют семантический гештальт [15], репрезентирующий соотнесенность в языковом сознании безопасности с психологическими состояниями, качеством, мероприятиями по ее обеспечению и домом как ее средоточием и воплощением (см.: [16]).

2. Анализ семантических групп ассоциаций также свидетельствует о глубинных трансформациях, которые претерпели стереотипные представления о безопасности за исследуемый период новейшей истории.

Прослеживается как качественная (изменение набора и количества выявляемых групп), так и количественная (изменение степени воспроизводимости образующих группы ассоциаций) динамика.

Если в советский период безопасность стереотипно ассоциировалась с дорожным движением, то в постсоветский период эта доминанта практически полностью элиминируется и замещается семантическим гештальтом, который репрезентирует устойчивую связь безопасности с целым комплексом внешних, по отношению к респонденту, факторов ее обеспечения (люди и организации, мероприятия, специализированные артефакты и стены своего жилища, школьный предмет). Кроме того, прослеживается тенденция к психологизации безопасности (безопасность как состояние).

3. Выявленные изменения (с учетом некоторых косвенных показателей, таких как исчезновение в ответах глагольных ассоциаций) свидетельствуют о явном изменении отношения современной молодежи к безопасности в сторону пассивного, потребительского и несколько инфантильного. Для них безопасность просто есть как данность, как состояние, и для этого не надо ничего предпринимать – достаточно не вспоминать о существовании опасности и полностью положиться на сотрудников различных силовых, охранных и

спасательных служб, стены своего дома, различные специализированные предметы и сооружения.

Кроме того, не может не настораживать практически полное игнорирование современным языковым сознанием потенциальной связи безопасности с дорожным движением, особенно с учетом резко возросшей, по сравнению с временами СССР, интенсивности дорожного движения, главным образом за счет личного автотранспорта, а также увеличения числа молодых водителей.

Список литературы

1. Писарь О.В. Безопасность личности как целостное интегральное качество // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2008. № 12. С. 47-56.

2. Умрихина Е.И. Безопасность как философско-правовая категория // Философия права. 2010. № 4. С. 53-56.

3. Колесникова Т.И. Психологический мир личности и его безопасность. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 176 с.

4. Российская энциклопедия по охране труда. Т. 1: А-К. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НЦ ЭНАС, 2007. Режим доступа: www.slovari.yandex.ru.

5. Словарь терминов по информационной безопасности. Режим доступа: www.domarev.com.ua.

6. Краснянская Т.М. Психология нарушения собственной безопасности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2006. № 13 (68). С. 299-305.

7. Овчинникова Г.Г. Эволюция человека в безопасном пространстве психотерапевтической практики. // Вестник Гуманитарного университета. 2014. № 1 (4). С. 10-16.

8. Ежевская Т.И. Системно-ценностный подход к информационно-психологической безопасности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 1 (36). С. 8-11.

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

9. Сироткин Л.Ю. Индивидуальная безопасность: поведенческий аспект // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 20. С. 275-281.
10. Maslow A.H. Motivation and personality. 3rd Ed. N.Y.: Harper and Row, 1987. XLI, 293 p.
11. Телесная психотерапия. Бодинамика / Ред.-сост. В.Б. Березкина-Орлова. М.: АСТ, 2010. 409 с.
12. Филипченко А.М. Безопасность как интерес (потребность) субъекта деятельности // Проблемы безопасности. 2013. № 2 (20). С. 5-6.
13. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. М.: Астрель; АСТ, 2002. Т. 1. С. 750-782.
14. Русский ассоциативный словарь. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.
15. Горошко Е.И. Описание механизмов ассоциирования и проблема классификации реакций. Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=94>.
16. Морель Морель Д.А., Зубкова К.В. К вопросу о средствах репрезентации рефлексивного концепта «периметр безопасности» (сопоставительный аспект исследования) // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9). Ч. 2. С. 101-106.